

СТАРЕЙШЕЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО БИБЛИОТЕКА

Ю. В. Чайковский

Нине Владимировне Демьяненко, без знаний, энтузиазма и дружелюбия которой, мне, боюсь, не о чем уже было бы писать...

Московское общество испытателей природы (МОИП) знаменито и в то же время почти неизвестно. Хотя ему и посвящена довольно значительная литература (списки ее см. [5; 10]), однако она носит преимущественно либо парадно-юбилейный, либо слишком частный характер, мало давая для понимания этого феномена российской культуры. А феномен удивителен.

Судите сами. При Московском университете одновременно с МОИП было создано еще несколько ученых обществ — где они, кто о них сейчас помнит? В Москве 1805 года, довольно бедной учеными, только что создано Физико-медицинское общество (ФМО¹⁾) — зачем же было здесь создавать еще одно общество натуралистов, притом из тех же в основном активных членов? Далее, в 1829 г., через Москву, возвращаясь из путешествия, проезжает великий ученый Александр Гумбольдт — почему его торжественно принимает не университет, а состоящее при нем МОИП? Почему именно в МОИП еще до начала «великих реформ», в 1854 г., возник первый в России успешный естественно-научный популярный журнал? Почему в наши дни, когда даже главные библиотеки страны почти перестали получать иностранные журналы по естествознанию, Библиотека МОИП, не имея ни рубля, ни

1) Существовало в 1804—1917 г. Насчитывало в 1808 г. 100 членов. Первый президент (1804—1811), проф. медицинского факультета университета Франц Керестури, был почетным членом МОИП. ФМО издавало свои труды на латинском и русском языках. О нем см. [6, с.87—89; 22] Следует отметить, что до революции аббревиатуры обществ не применялись.

цента, все-таки их получает, притом триста (!) названий? Как здесь сохранились полные комплекты многих журналов за двести и более лет?

И, наконец, есть ли еще место, где какая-либо научная проблема обсуждается почти двести лет кряду, как обсуждается в МОИП эволюция?

Вообще-то, материал для дореволюционной истории МОИП давно собран: трудами библиотекарей МОИП создана огромная машинописная книга (около 1300 стр.) [7]. Однако это — не история, а именно добротный материал для нее, к тому же почти не касающийся хозяйственной стороны жизни Общества. Как и ФМО, МОИП еще ждет своего историка.

Любая попытка очертить в целом гигантскую деятельность МОИП выливалась до сих пор в скучные перечни имен и названий. Попробуем иначе: далее я ограничусь тремя набросками, где коснусь того, что мне ближе известно. Надеюсь, так вернее дать читателю представление о МОИП.

Вехи истории МОИП

Как мне представляется, создание Общества и его живучесть в условиях войны и реакции (аракчеевской и николаевской) обязаны прежде всего удивительной личности его основателя Г.И.Фишера¹⁾, его энергии, научному потенциалу и известности. (Именно к нему ехал в 1829 г. Гумбольдт, хотя на встречу пришла чуть ли не вся чиновная Москва).

МОИП было задумано иначе, чем ФМО. Если ст.1 Устава МОИП 1805 г. в чем-то дублировала задачи ФМО (МОИП «займется Естественною Историею и науками, к ней относящимися, как-то Анатомиею... Химиею, Физикою, сельскою Экономиею и тому подобное»), то ст.3 ставила совсем новую задачу: МОИП «будет собирать в Географическом порядке все естественные произведения Российского государства по части Минералогии, Ботаники, Зоологии, земледелия и промышленности». Реализуя эту установку, МОИП в дореволюционный век своего существования снарядило целый ряд экспедиций по всей России, но более всего — по Московской губернии.

Далее, Фишер намеревался основать общество, свободное (в отличие от ФМО и всех других) от Университета. Это намерение

1) Готтхельф (Григорий Иванович) Фишер (1771—1853), в юности архивист, затем геолог, палеонтолог и зоолог, ученик Кювье; в России и Москве с 1804 г., проф. Университета, многолетний руководитель Музея натуральной истории (МНИ), директор МОИП и редактор изданий МОИП; президент (1837—1839) Медико-хирургической академии и ее профессор. С 1818 г. именовал себя Фишер фон Вальдгейм (хоть дворянином и не был), чтобы его не путали с российским ботаником Фридрихом Фишером (тоже — активным членом МОИП).

видно как из отсутствия всякого упоминания Университета в первом Уставе МОИП, так и из дальнейших попыток Фишера вывести МОИП из-под не в меру заботливой опеки университетского начальства. Об одной такой попытке раздраженно писал попечитель Московского учебного округа граф С.Г.Строганов при обсуждении проекта Устава МОИП 1837 г. [7, ч.1, с.XVII].

В этом намерении Фишера мне видится одна из скрытых пружин, двигавших создание и работу Общества: ученые стремились общаться вне присмотра начальства. Другой пружиной была потребность путешествовать и третьей (общей для всех московских ученых обществ) — потребность иметь в Москве какую-то замену того, чем в Петербурге была Академия наук, т.е. место чисто научное, с учебным делом не связанное.

Порыв Фишера к самостоятельности пресек попечитель Университета М.Н.Муравьев¹⁾: посланную ему записку Фишера с идеей создания МОИП он переслал в Университет, где оно и было учреждено. Получив согласие начальства, Фишер 22 марта 1805 г. собрал заинтересованных лиц, с которыми обсудил проект устава. 25 июля они, 17 членов-основателей и 8 «питомцев» (молодых людей, допущенных к ограниченному участию в Обществе), подписали окончательный вариант проекта [31, с.VIII], каковой был отправлен в Петербург и 25 августа утвержден Александром I; 18 сентября прошло первое заседание МОИП, а уже 23 декабря вышел из печати первый, двоянный, выпуск Журнала МОИП (по-французски).

Сперва собирались дома у директора, позже «просвещенный грек» Зой Зосима, один из первых почетных членов МОИП, подарил Обществу участок земли и дом на Пресне, где оно пребывало до переезда (при Николае I) в здание университетской гостиницы, на Моховую. А на пресненском участке университет основал обсерваторию, впоследствии ставшую основой Астрономического института. Точнее см. [6, с.65]. С 1963 г. МОИП располагается в здании Зоомузея МГУ на Бол. Никитской.

Основание МОИП и первые годы его работы известны плохо. Обычно это объясняют гибелью архива Общества в московском пожаре 1812 года, но дело, думаю, не в этом. Одновременно с МОИП был при университете основан МНИ, о гибели и восстановлении которого есть документы [6; 7]; есть даже свидетельства о гибели нераспроданных изданий МОИП, но в

1) Михаил Никитич Муравьев (1757—1807), гос. деятель и писатель, инициатор создания в Москве ученых обществ, МНИ, учебных курсов для публики и журнала «Московские ученые ведомости».

отношении архива или иного имущества МОИП ничего такого нет. Зато сохранившиеся бумаги достаточно ясно говорят другое: с самого начала работа МОИП была документирована из рук вон плохо. И, кстати, хуже всего известны первые годы после пожара. Кое-что, однако, из архивных и опубликованных до пожара документов понять можно.

Фишер правил Обществом достаточно самовластно: предусмотрел в Уставе себя как бессменного руководителя (Статья 22: «Директор Императорского Музея Натуральной истории есть вместе бессменный Директор Общества»), а когда МОИП начало работу, не слишком обременял его выборами: уже на первом заседании он объявил о новых членах, и их набралось 20, прежде чем журнал заседаний зафиксировал первые выборы [31, с. XI—XXII]. Можно найти в протоколах, несмотря на их прилизанность, и другие примеры авторитаризма, но вряд ли стоит упрекать Фишера: во-первых, самовластье было принято, а во-вторых, кто знает, смогло бы выжить Общество без жесткого руководства или нет. Зато хорошо видно, что темы, не занимавшие внимания директора, пребывали в беспорядке.

Так, в Уставе упомянута должность казначея, но избран он не был. Сохранилась безымянная книга казначея, где разными почерками засвидетельствован полный хаос в сборе членских взносов за 1806 и 1808 гг. (за 1807 и 1809 гг. взносы проставлены в совсем другой книге).

Вообще, обязательный взнос был определен в 30 руб. в год, но за 1806 г. зафиксированы взносы лишь от трети московских членов (не говоря уж о прочих). Они составляли от 10 до 200 рублей. Действительные члены платили в основном по 30 руб., а почетные — по 100 — столько получал в год мелкий служащий. За первый год в действительные члены было принято всего 14 москвичей, зато в почетные — более 40 (вероятно, для пополнения кассы, ибо почти никто из них в МОИП ничего не делал). Общее число членов Общества (включая иногородних и иностранных) достигло в 1806 г. трехсот.

Несообразностей было много — в отношении печатной продукции, библиотеки, архива. Последний, насколько знаю, так никогда и не был создан официально. Архивариусом числился второй секретарь Общества, а библиотекари передавали друг другу из поколения в поколение груды бумаг (иногда собранных в папки по годам), пока, уже в советские годы, героическими усилиями сотрудников Библиотеки в ее недрах не был наконец устроен архив. То, что сохранилось, приведено в относительный порядок, но на жалкие остатки документации за первые 20 лет (один формуляр, в нем 30 почти пустых «дел»)

больно глядеть. Бесхозные бумаги съело время, вклад нашествия французов не просматривается.

Это странно, поскольку сам Фишер в молодости прославился именно как архивист — именно он открыл, что подлинным изобретателем книгопечатания был Иоганн Гутенберг. Видимо, Фишер, взвалив на себя в Москве непомерную ношу, просто не имел сил следить за всем. Лишь в 1840 г., уйдя от чиновных дел, он написал инструкцию для библиотекаря, и вскоре же в библиотеке был наведен некоторый порядок [7].

Зато научная слава МОИП быстро росла. На каждом заседании непременно делал доклад сам директор, демонстрируя высокий профессионализм не только в разных отраслях науки, но и в изготовлении приборов и инструментов. Кроме него выступало еще несколько активистов МОИП, и доклады их часто были очень интересны (о чем немного поговорим в п.2). Темы докладов были из всех разделов естествознания, включая физику, химию, медицину и ветеринарию. Ученые всех специальностей собирались вместе, деления заседаний по секциям весь XIX век тут не знали. К сожалению, нет никаких свидетельств того, что доклады обсуждались.

В декабре 1806 г. вышел в свет первый том «Мемуаров МОИП». Статьи в нем напечатаны по-французски, но в начале тома есть русское введение: парадные письма об основании общества, Устав, «Подневная записка» (протоколы) за первый год работы и чудовищная «Ода» в честь МОИП, написанная графом Дм.Хвостовым, известным московским графоманом.

Вскоре издания Общества стали известны за рубежом, и большинство западных научных обществ стали присылать в обмен свои труды. Самые знаменитые ученые — такие, как Ж.Кювье, Ж.-Б.Ламарк и Э.Жоффруа Сент-Илер во Франции, А.Гумбольдт, И.-В.Гёте и И.Бодде в Германии, А.Вольта и Л.Гальвани в Италии, Дж.Смит (президент Линнеевского общества) в Англии, ряд учеников Линнея в Швеции — были приняты в МОИП и дарили свои сочинения. Со всей России присылали образцы животных, растений и минералов. Поступало множество книг и научных инструментов, причем Фишер постановил: все ученые труды (печатные и рукописные) остаются в Обществе, а все остальное поступает в МНИ.

В 1807 г. царь дозволил Обществу именоваться Императорским.

Однако, судя по всему, горстка активистов уже весной 1806 г. выдохлась, так что, вопреки Уставу, еженедельные заседания сменились на ежемесячные, а затем стали еще реже.

Молодой директор, не имевший еще в России ни связей, ни опыта, ни даже знания языка, вероятно, почувствовал нужду во влиятельном покровителе. В заседании 17 января 1806 г. «рассуждаемо было об избрании Президента из числа почетных Членов, имеющих пребывание в Москве». Собрание назвало двух меценатов: П.Г.Демидова и А.К.Разумовского, после чего Фишер (вероятно, сам) предложил этот пост Разумовскому. То был очень удачный шаг. Свое огромное богатство граф Разумовский во многом употребил на науку и, в частности, создал знаменитый ботанический сад (в своем имении Горенки к востоку от Москвы), который в 1798—1822 г. был чем-то вроде ботанического института и «считался одним из чудес Москвы» [15, т.1, с.275]. Ботаники, работавшие в этом саду, играли большую роль в работе МОИП, а сам Разумовский активно помогал Обществу как своим влиянием в московских кабинетах, так и деньгами. Он платил членский взнос 500—1500 руб. и, кроме того, финансировал экспедиции.

Вскоре Разумовский стал попечителем Московского учебного округа, а затем и министром народного просвещения. На этих постах он снискал добрую память открытием школ (в том числе Царскосельского лицея) и нескольких ученых обществ. Однако характер у графа был нелюдимый и неровный, а тут началась аракчеевская реакция, и в 1817 г. он отказался не только от всех государственных постов, но и от президентства в МОИП. Стало правилом, что президентом МОИП должен быть попечитель учебного округа, и свои функции не все из них понимали разумно (хотя в целом Обществу на них везло). Вскоре был ограничен в правах Фишер — с 1822 г. он стал вице-президентом, хотя продолжал подписывать бумаги как директор. Лишь в 1869 г. Обществу было дозволено выбирать президента; с 1872 г. президенты избираются из числа членов МОИП и путем переизбраний сохраняют этот пост пожизненно (см. Приложение).

Очень долго оправлялось Общество после Отечественной войны: в 1813 г. было одно заседание (1 докладчик, 4 слушателя) и 1 вновь принятый; в 1814 г. — два заседания, в 1815 — три, в 1816 г. — пять. Число слушателей, там где оно зафиксировано, обычно близко к дюжине, и так продолжалось сто лет: редкие малочисленные заседания. Даже на чрезвычайном заседании 20.10.1853 г. памяти Фишера было всего 18 человек, тогда как Общество насчитывало 732 члена, в том числе 110 москвичей.

В 1817 г. впервые издан (по-французски) том послевоенных докладов. МОИП страдало без денег, но Николай I удвоил дотацию,

что дало возможность с 1829 г. издавать Бюллетень МОИП, выходящий поныне¹⁾. Правда, издавался он тоже по-французски, но печатал статьи также по-немецки и изредка, с 1830 г., по-русски. Впервые (после 1806 г.) русский текст протоколов был опубликован в 1886 г., а начиная с 1896 г. русские статьи стали понемногу теснить в Бюллетене французские и немецкие, которые полностью исчезли в 1930-е годы. С 1922 г. Бюллетень выходит двумя параллельными отделами — биологическим и геологическим.

Иногда Фишера упрекают в том, что МОИП имело при нем иностранный характер. Однако вряд ли упрек по адресу. Французский язык служил компромиссом между сторонниками латыни и немецкого и сторонниками русского. Коллектив, состоявший в основном из немцев и русских, вряд ли мог работать иначе. Как раз при Фишере было сделано много шагов для русификации: ряд его брошюр издан в русском переводе [6, с.118], в 1827 г. он написал «воззвание к друзьям наук и особенно отечественного естествознания» с просьбой присылать ему образцы [6, с.129] и т.п. Понемногу русифицировалось и делопроизводство. В 1851 г. Совет МОИП принял (по инициативе президента В.П.Назимова — начальника по-военному грубого, но ревнителя просвещения) решение об издании популярного журнала на русском языке — «Вестника естественных наук». Правда, 80-летний Фишер в этом деле участия уже не принимал, хоть и присутствовал.

К сожалению, «Вестник», блестяще начав (под руководством замечательных биологов-эволюционистов К.Ф.Рулье и С.А.Усова), вскоре попал в руки тех членов Совета МОИП, которые полагали, что знают, что и как писать, никого не спрашивая. Журнал потерял подписчиков и бесславно закрылся на седьмом году издания [15, т.3, гл.9].

Со временем задачи МОИП менялись. В Москве возникали новые ученые общества и журналы, снаряжались экспедиции, каких МОИП осилить не могло бы, собирались съезды ученых. Наука, в том числе и московская, перестала направляться какой-либо частной группой ученых, особенно — в советское время, когда было провозглашено (и во многом реализовано) государственное управление наукой. В этих условиях МОИП нашло, по-видимому, единственное

1) При Александре I МОИП получало от казны 5 тыс. руб. в год. Николай I в 1829 г. постановил платить Обществу по 10 тыс., что исполнялось около 20 лет; при Александре II казна платила по 2857 руб. (к сожалению, эта голодная норма была распространена и на другие ученые общества [10]), при Александре III — по 4857 руб. в год. В периоды нехватки денег Бюллетень выходил (на средства жертвователей) с задержками и был по многу лет единственным (как и в наши дни) изданием МОИП.

верное направление деятельности — разделилось на множество секций и превратилось в трибуну ученых, минимально зависимую от партийно-государственного давления. Неудачная традиция редких малолюдных общих собраний в советское время отмерла, уступив практике многочисленных (и, как правило, более многолюдных) заседаний секций и семинаров. Основную массу членов МОИП стали составлять ученые Москвы.

В момент наибольшего развития, на 1.01.1987 г., Общество насчитывало (не считая отделений в других городах) 2765 членов и включало 28 секций, комиссий и семинаров, где мог высказаться по любому вопросу естествознания всякий (москвич или приезжий), кого кто-то хотел слушать. В год бывало около 650 заседаний ученых и занятий кружков для школьников. На одно заседание приходилось в среднем по 29 посещений, и это не считая конференций (где было в среднем по 106 посещений).

МОИП выпустило также огромное число трудов своих членов: 20 томов «Новых мемуаров» (1829—1940), 93 тома «Материалов к познанию фауны и флоры России (СССР)» (1890—1989), 23 тома «Материалов к познанию геологического строения России (СССР)» (1899—1972), 49 томов «Исторической серии» (1940—1953), 17 томов «Землеведения» (1940—1990), 5 томов «МОИП к 800-летию Москвы» (1946—1947), 59 томов «Среди природы» (1948—1968), 58 томов «Трудов МОИП» (1951—1983), 60 выпусков «Докладов МОИП» (1969—1991) и 712 книг и брошюр (1945—1993) отдельными изданиями (одна из таких книг [17] упомянута в п.2). До революции был также издан ряд брошюр, излагавших речи в особо торжественных заседаниях МОИП (например, [15a]).

Увы, в эти же годы упало значение Бюллетеня МОИП. О его геологическом отделе говорить не берусь, а вот биологический пал на моей памяти. Еще в 1960-е годы он был одним из престижных журналов, нынешняя же научная молодежь чаще всего и не знает о его существовании. Досадно узнавать, что некоторые зарубежные общества прекращают обмен с Обществом (ссылаясь на то, что Бюллетень давно никто не читает): ведь если рухнет система книгообмена МОИП, с таким трудом поддерживаемая (см. п.3), то замечательная Библиотека МОИП лишится своего главного источника комплектования и может быть закрыта по чисто формальным признакам.

Причину падения Бюллетеня здесь обсуждать не место, и замечу лишь, что она похожа на судьбу Вестника: журнал долго наполняли тем, что читателя не имеет. Разумеется, узкоспециальные статьи тоже необходимы (например, по частной систематике), но они не должны преобладать.

Когда-то один провинциальный читатель предупреждал редакцию Вестника: «В прежнее время [при жизни Рулье — Ю.Ч.] я многих заохотил читать, и журнал мой возвращался в конце года, а теперь он преспокойно лежит дома» [15, т.3, с.304]. Его не услышали. К счастью, в Бюллетене стали теперь появляться статьи по биологии, интересные для многих, и тираж (около 550 экз., 170 из которых берет Библиотека МОИП для международного обмена; увы, обмен внутри бывшего СССР распался) стабилизируется. Тираж и обмен геологического отдела: около 500 и 130.

Обсуждение идей эволюции в МОИП

Ограничимся лишь некоторыми из *необычных* докладов по эволюции, в стенах Общества произнесенных или в его трудах опубликованных, чтобы на одном важном примере высветить роль МОИП в развитии науки.

Тема эволюции живого возникла здесь в первые же месяцы. В «подневной записке» заседания 27 апреля 1806 г. значится: «От имени Его Высококородия Николая Сергеевича Всеволожского¹⁾, Секретарь Общества Виллерс читал известие о кошке-кунице, описанной Г-ном Палласом, которую имеет у себя Его Превосходительство живую» [31, с.ХХIII]. Прочтя это русское резюме, не подумайшь, что (как ясно из французского текста доклада) Всеволожский демонстрировал обществу живого зверька и рассуждал как о практических перспективах его разведения, так и о теоретических вопросах видообразования. Не касаясь спорного вопроса, кем мог быть данный гибрид (межсемейственные гибриды, тем более — плодовые, у млекопитающих неизвестны), приведу лишь последнюю фразу доклада:

«Я оставляю натуралистам, более меня ученым, решить, исходя из только что рассмотренного примера, может ли случайное спаривание двух разных видов произвести особей, которые, размножаясь между собой, произведут наконец новый вид и тем докажут, что не всегда известные нам виды суть произведения животных того же вида и образа, что они сами, так что их существование предполагает непрерывную цепь успешных существований сходных особей; что она [цепь] восходит до первичного творения: и что, следовательно, время может сделать из этого вновь то, чего мы еще не выдвигали» [31, с.252].

Как бы ни оценивать эту фразу, она приоткрывает картину научной жизни Общества. Ведь автор коснулся темы злободневной

1) Н.С.Всеволожский (1772—1857), в то время статский советник и драматург, действительный член МОИП. Позже — тверской губернатор.

и запретной. Как отнеслись ко всему этому слушатели, мы не знаем, но есть основание полагать, что тема живо обсуждалась — тогда или вскоре. Дело в том, что среди иногородних членов МОИП уже тогда числился петербургский энтомолог Михаил Таушер, примерно в это время переехавший в Москву и вскоре (1807) приглашенный Разумовским в Горенки. Таушер проявил себя как яркий и оригинальный эволюционист [15, т.1], но это к нашей теме не относится, поскольку произошло по возвращении Таушера в Германию; нам же важно то единственное замечание Таушера, что свои взгляды он сформировал, работая в России, и обсуждал в МОИП, где якобы встретил сочувствие Фишера. Не думаю, чтобы это могло относиться к эволюции: убежденный креационист Фишер, заслуживший прозвище «российский Кювье», вряд ли мог сочувствовать даже намекам на эволюцию. Однако вполне можно допустить, что Таушер обсуждал эволюцию, например, со Всеволожским. А то, как вел себя Фишер, когда при нем заходила речь об эволюции, мы можем представить себе по заседанию МОИП 16 июня 1830 г.

Ждали нового президента и собрали интересных докладчиков. Сам Фишер, как обычно, излагал свои результаты и показывал роскошные иллюстрации, другие рассуждали о натурфилософии, о видах русского предпринимательства, а молодой талантливый минералог Рудольф Герман, недавно переехавший из Германии, заявил доклад «О геологии России» [1, л.47].

Однако, едва помянув Россию, он (вероятно, неожиданно) повел речь об эволюции Земли и, естественно, жизни на ней.

По его мнению, ряд опустошительных катастроф (о них говорить разрешалось — их признавала даже респектабельная школа Кювье) был вызван повторными актами разогрева земных недр. После очередного охлаждения «этот необъятный океан сам оживлял себя (belebte sich) всеми видами морских животных». Эти животные «формировались до высшего совершенства своих форм. Путем непрестанной борьбы элементов они, однако, были распространяемы (wurde überdeckt) по еще несвязным частям нашей каменной оболочке» [28, с.241]. (Как видим, борьба здесь — фактор не эволюции, как у Дарвина, а расселения.)

Новый президент все слышал, и секретарю осталось одно — изменить в протоколе (он поступал начальству на просмотр) название крамольного доклада и составить сам протокол как можно более округло, назвав, к примеру, вероятным то, что докладчик считал достоверным [1, л.43], и умолчав о том, что такую историю Земли никак нельзя уложить в «шесть дней творения». А вот Фишер повел

себя интереснее: после Германа он вновь взошел на кафедру и, как ни в чем не бывало, изложил «различные мнения о строении недр земного шара» [28, с.249]. Эрудиция позволила ему сходу вспомнить несколько опубликованных на сей счет фантазий: что земное ядро — алмаз, что «доадамовы» животные и даже люди жили прямо в земных толщах и т.п.; об эволюции живого он, наоборот же, ни словом не помянул. Экспромт Германа был поставлен в один ряд с явным сумбуром, зато не было оснований для идеологических претензий.

В таких докладах, как Всеволожского или Германа, было мало нового для науки, но они были очень важны как просветительские и как рушившие стену молчания (гонения на эволюционную идею описаны в ряде работ по истории российской биологии, например в [15]). Таковы были почти все выступления ранних эволюционистов России, даже, во многом, и крупнейшего из них — К.Ф.Рулье, секретаря МОИП, основоположника московской школы эволюционистов. Творчество его хорошо изучено (см, например, [15, т.3]), а здесь отмечу лишь одно весьма важное теоретическое положение (как ни странно, не всеми усвоенное поныне), высказанное им на страницах «Вестника» в 1854 г.: «...один сравнительный метод недостаточен, ежели он не идет рука об руку с историческим: они должны дополнять и поверять друг друга» [16, с.243].

Рулье умер в расцвете сил в 1858 г., но основанный им «Вестник» оказался первым в России журналом, систематически освещавшим учение Ч.Дарвина, и об этом много написано (например, в [15]).

Еще в январе 1859 г., когда в Россию едва проникали первые сведения о докладах Дарвина и Уоллеса в Лондонском Линнеевском обществе, появилась статья Усова [21], ученика Рулье. Описывая вымирающий вид (зубра), Усов ставил очень интересные вопросы: о причинах вымирания, о роли в этом половозрастной структуры стада и о значении палеонтологических свидетельств. В частности, он высказал сомнение в существовании того феномена, что позже получил имя *полового отбора*: по наблюдению Усова, борьба самцов за самку приводит к тому, что старые зубры с легкостью отгоняют молодых, хотя сами для размножения уже непригодны; это сильно снижает размножаемость стад, способствуя вымиранию вида.

До своего банкротства (осенью 1860 г.) «Вестник» высказался об эволюции еще 10 раз (литературу см. [26]). И лишь затем о ней высказался (притом всего однажды) основной орган МОИП — Бюллетень. То была статья московского геолога Г.А.Траутшольда, явившаяся первым в российской научной печати откликом на немецкий

перевод «Происхождения видов» (первые два английских издания в Москву вообще не попали).

Удивившись отсутствию в распоряжении Дарвина каких-либо данных о переходах вида в вид, Траутшольд решил сам поискать их среди раковин аммонитов из юрских пород Подмосковья. Промежуточные формы нашлись в изобилии, и статья Траутшольда [32] запомнилась эволюционистам как первое палеонтологическое подтверждение дарвинизма, на которое притом сослался позже сам Дарвин. Однако в действительности, признав правоту Дарвина в том плане, что скудость переходных форм вызвана лишь неполнотой палеонтологической летописи (все ведущие тогда палеонтологи мира в этом с Дарвином спорили), автор заметил осторожно: хотя образцов переходных форм достаточно, но жили эти организмы в ограниченном пространстве древнего моря; в таких условиях трудно сказать, являются ли они переходами в историческом смысле или разновидностями, жившими одновременно. Одну из раковин он прямо определил как помесь (*eine schöne Bastardform*), ясно указывающую на физическую связь (*Verknüpfung*) между крайними вариантами [32, с.527]. Явная симпатия Траутшольда к Дарвину, высказанная в этой работе, побудила историков дружно отнести его к дарвинистам, однако у самого Траутшольда мы видим лишь признание факта эволюции, но не отбора.

Вот как закончил он свою статью: «Мир организмов представляется мне как бы морем. От дыхания невидимой творческой силы, установившей движение, воды вздымаются и ниспадают. [...] Как волна переходит в волну, так и вид перетекает в вид. [...] И каждая волна, большая и малая, достигает наконец берега своей гибели, потерявшись в прибое преходящего бытия. Но материя и творческая сила сохраняются, и как каждое дуновение ветра порождает новые волны на зыбкой поверхности, так и каждый день творения — новые формы на поверхности моря органического мира». Тут намек и на будущий ламаркизм (вид так же смертен, как организм), и на глобальный эволюционизм в духе Вернадского, тут вера в непрерывное творение, но дарвинизма и в помине нет.

Последующие лет 16 Общество избегало обсуждать эволюционную тематику, хотя конкретные данные докладов (хотя бы того же Траутшольда) служили для различных эволюционных концепций. В 1870 г. Дарвин был избран почетным членом МОИП, но это говорило лишь о признании его крупным ученым, а он им был независимо от эволюции. Немногочисленные выступления МОИП в поддержку дарвинизма за 1877—1909 гг. перечислил С.Ю.Липшиц [6, с.85],

секретарь МОИП. Кроме того, в 1908 г. президент МОИП физик Н.А.Умов посвятил полувековому юбилею дарвинизма президентскую речь, весьма характерную для настроений тогдашней интеллигенции. Ч.Дарвин в ней поминается мимоходом и без связи с материалом его книг — гораздо заметнее здесь влияние философии Г.Спенсера и физики Дж.Дарвина. Главный же мотив — безоглядная вера Умова в прогресс под знаменем науки, само появление которой он именовал как рождение нового типа человека, *Homo sapiens explorans*, т.е. человека исследующего. Речь кончалась словами: «В созерцании раскрывающейся истины, без страха и тревоги смотрит в будущее *homo sapiens explorans*» [20, с.36].

Эти слова звучат наивно, особенно — если вспомнить, что написаны они одновременно со знаменитым сборником «Вехи», но их смысл достаточно глубок, как видно из более ранней брошюры Умова. В мае 1906 г., в разгар революции, он писал: «Пролетариату мысли и воли, несущему знамя научного творчества, а не пролетариату физического труда, принадлежит, с нынешнего века, всемирно-историческая миссия» [19, с.36]. Тут налицо провидение научно-технической революции и ее следствия — отхода рабочего класса с передовых позиций, которые должна занять научная и техническая интеллигенция. Ну а того факта, что «пролетариатом воли» окажется вовсе не рабочий, не инженер и не ученый, а чиновник, не дано было тогда знать, по-видимому, никому.

Подлинную пропаганду дарвинизма повел зоолог М.А.Мензбир, будущий президент МОИП. Еще в 1902 г. он произнес в Обществе речь «Мнимый кризис дарвинизма», где едва ли не первым в мире попытался сочетать идеи Дарвина с только что провозглашенной на Западе мутационной теорией. Именно здесь были заложены основы нынешнего дарвинизма.

По Мензбиру, Дарвин «совершенно логически приходит к заключению, что тот путь, которым происходят породы домашних животных, должен иметь место и по отношению к происхождению пород диких животных», разве что вместо искусственной селекции действует мальтузианская схема: перенаселение порождает борьбу за существование. Этот процесс «настолько прост и ясен, что против него возражать нечего», причем он равно действует в отношении происхождения видов, родов и вплоть до «типов, общих животному и растительному царству» [9, с.189—191].

Конечно, Мензбир знал, в том числе и от коллег по МОИП, что данная схема вызывает массу возражений, однако, как видим, отверг даже их существование. Единственное возражение, которое он

признал, относилось к неясности самого процесса изменчивости, но именно этот процесс, по Мензбиру, и раскрыт мутационной теорией. Через 40 лет такое понимание дарвинизма получило название синтетической теории эволюции.

Исповедуя дарвинизм с некоторым фанатизмом, Мензбир тем не менее был предан науке, и вряд ли ему можно ставить в вину то, что он был первым советским ректором МГУ (1917—1919). Хотя его убеждения и могли сыграть тут роль (коммунисты взяли дарвинизм на вооружение), но важнее была, думаю, его оппозиция царской политике в отношении образования.

Другим активным дарвинистом был тогда в МОИП зоолог А.Н.Северцов. В докладе «Эволюция и эмбриология» он прямо отождествлял эволюционизм с дарвинизмом и хотя не говорил об отборе, зато пропагандировал «основной биогенетический закон» Мюллера—Геккеля, согласно которому развитие зародыша кратко повторяет эволюцию. В этом Северцов зашел так далеко, что даже утверждал: «Онтогенез есть функция филогенеза, т.е. ... без понимания законов эволюции мы не можем понять и законов индивидуального развития, скажу больше, законов жизни» [15а, с.26]. (Замечу, что в наше время, наоборот, эволюцию обычно понимают как преобразование онтогенезов [25, с.165 и далее].)

Совсем иной была эволюционная деятельность тогдашних вице-президентов МОИП А.П.Павлова¹⁾ и В.И.Вернадского. Позиция второго (интерес к глобальным потокам живого вещества и энергии, а не к происхождению видов и иных таксонов) хорошо известна, а вот Павлов как эволюционист забыт. Его главная эволюционная идея (профетические фазы) изложена во французском журнале, однако материалы для нее собирались много лет и докладывались, в частности, в заседаниях МОИП. Его доклады перечислены его ученицей и биографом, В.А.Варсанофьевой²⁾ [4].

Она, кстати, стала единственным в Москве вице-президентом МОИП в годы войны, после эвакуации в 1941 г. академиком в Боровое (Казахстан). Совместно с зоологом С.И.Огневым они сумели наладить работу Общества в военные годы и, в частности, провести 9.07.1942 г. заседание в честь столетия первого эволюционного очерка Дарвина [10].

1) Алексей Петрович Павлов (1854—1929), геолог и палеонтолог, академик, вице-президент МОИП в 1917—1929 гг.; автор концепции профетических (т.е. пророческих) фаз эволюции. В ходе этих фаз развитие зародыша не повторяет прежнюю эволюцию, а, напротив, предвещает эволюцию будущую. Подробнее см. [4, с.242—243].

2) Вера Александровна Варсанофьева (1890—1976), геолог и историк науки, вице-президент МОИП в 1942—1976 гг.

После войны эволюция долго обсуждалась под знаком лысенковщины и борьбы с нею. МОИП, естественно, не могло остаться в стороне, но ему выпала несколько особая роль. В конце 1952 г. Бюллетень МОИП и Ботанический журнал одновременно поместили антилысенковские статьи, вызвавшие огромный шум и породившие целую литературу — более ста откликов за год (обзоры см. в Ботаническом журнале, №№ 1, 2 за 1954 г.). Редактором обоих журналов был В.Н.Сукачев, будущий президент МОИП, и молва приписала ему, его смелости и принципиальности, инициативу первого выступления против всесильного Лысенко. Частично молва даже попала в печать: «Уже в 1952 г. на страницах «Ботанического журнала» и «Бюллетеня МОИП» В.Н.Сукачев открыл дискуссию по ряду... проблем, неверно трактовавшихся Т.Д.Лысенко и его сторонниками (наследственность, видообразование, внутривидовая конкуренция и др.)», причем принципиальная позиция Сукачева «способствовала быстрейшему устранению ущерба, нанесенного... августовской сессией ВАСХНИЛ 1948 г.» [14, с.8].

Принципиальность позиции Сукачева вне сомнений, но вот «открыть дискуссию» он никак не мог: ни один чиновник не пропустил бы это в печать иначе, как по указанию «самого». Такое указание легко просматривается (одновременное поступление трех статей и их мгновенная публикация, их проработочный характер, отсутствие реакции ЦК КПСС, испуг самого Лысенко и т.п.) и, насколько мне известно [26], действительно от Сталина поступило. По-видимому, то был один из актов его борьбы с Берией (покровителем Лысенко), приведшей, как многие считают, к «Делу врачей» и скорой кончине самого Сталина.

Так в чем же сказалась реальная польза принципиальной позиции Сукачева? По-моему, в том, что такой человек, как он, нашелся: получив приказ начать критику временщика, Отдел науки ЦК обратился к тому (быть может, единственному) из главных редакторов, в чьих журналах она могла выглядеть научной. Возможно, именно поэтому в спор, наряду с политиками, включились и ученые. Что же касается «устранения ущерба», то он, как мы знаем, потребовал большего — смены кремлевской власти в 1964 г., приведшей к падению Лысенко.

Интересна эволюционная позиция самого Сукачева. Он охотно публиковал взгляды, противоречившие его собственным, снабжая их минимальным комментарием. Например, поместил статью Ю.П.Бялловича [3], защищавшего основной лысенковский тезис об *отсутствии борьбы за существование внутри вида* (поскольку вид-де есть функциональное целое). Не помяная имен и лозунгов, Бяллович

описал чрезмерно загущенные однородные посадки и пришел к выводу, что такая посадка действительно ведет себя как единое функциональное целое. Редактор протестовал против этой «телеологии», называл выводы «недостаточно обоснованными», но и только.

В 1959 г. Бюллетень посвятил номер столетию «Происхождения видов», где Сукачев, наряду с обычными юбилейными статьями, поместил свою собственную, совсем необычную, статью о борьбе за существование.

Со времен Дарвина этот термин понимают двояко — как метафору (которая может обозначать всякое взаимодействие особей) и как конкретный механизм (его именуют мальтузианским) вытеснения лучшим худшего вследствие избыточности населения. Этот пункт был для Дарвина главным — именно такой борьбой он объяснял самый процесс видообразования. Все реальные модели эволюции строятся в дарвинизме «по Мальтусу», но сам Мальтус не в чести, и приходится прибегать к маскировке: всякая критика мальтузианского приема отвергается дарвинистами путем указания на то, что борьба — лишь метафора. Сукачев решил навести здесь ясность и с 1920-х гг. получил целый ряд интереснейших результатов.

В опыте с ивами двух видов оказалось, что «дарвиновское положение о более напряженной внутривидовой конкуренции не имеет места» [18, с.38]. Более того, выяснилось, что ни расы, ни виды нельзя поделить на лучшие и худшие: например, при тесной посадке форма *A* вытесняет форму *B*, а при разреженной — наоборот. Зато в совсем однородных условиях действительно удастся наблюдать, как мало различающиеся конкурирующие формы «ведут себя по-разному, а следовательно, могут служить объектами естественного отбора» [18, с.43]. Разумеется, об отсутствии внутривидовой борьбы тут и речи быть не могло, однако открылось нечто более важное: при чрезмерной густоте посадки растения не могут проявить все свои потенции (это значит, добавлю я, что отсутствует или резко ослаблена возможность выявлять полезные вариации). Никакого резюме (в отношении судьбы дарвинизма при такой коррекции центрального понятия) Сукачев не дал, но, по-моему, статья и без того потребовала от него едва ли не больше принципиальности, чем предыдущая «дискуссия».

В 1963—1972 гг. в МОИП работал семинар по проблемам эволюции (рук. Б.С.Матвеев), который запомнился мне тем, что сюда не раз приглашали А.А.Любищева. Тот поразил нас, слушателей, не только тем, что прямо представлялся как «последний антидарвинист» и идеалист, но и тем, как он понимал историю науки. Будучи все правовежными дарвинистами, мы, даже если и готовы были слушать

еретика, то с глубокой уверенностью, что спор должен решиться на поле новых фактов и теорий; Любищев же дал понять, что в эволюционизме все споры вечны, что нынешние спорщики лишь повторяют споры прежние, выбирая из потока фактов более удобные.

После кончины Любищева (1972) стали ежегодно собираться Любищевские чтения, некоторые из них — в МОИП. В основном их темой была эволюция. По их итогам была издана книжка [17], из которой, однако, издательство «Наука» вычеркнуло все упоминания о Чтениях — на том основании, что Любищев не был академиком. Вмешалось оно и в тексты статей.

Мысли Любищева усвоил и блестяще развил С.В.Мейен¹⁾. Следуя завету Любищева избегать подбора фактов в пользу милых сердцу теорий, он тщательно проработал (насколько знаю, впервые в эволюционизме) *весь* доступный ему материал по наземным растениям (кроме мхов) от девона до мела и пришел к выводу: их прогрессивная эволюция (глобальный флорогенез) носила характер «фитоспрединга» (растекания растений) из экваториальной зоны на юг и на север. Помню, как по окончании его доклада в МОИП на эту тему президент МОИП А.Л.Яншин встал и предложил похлопать докладчику (аплодисменты бывают тут крайне редко).

Новое в подходе Мейена к эволюции состояло и в понимании эволюции как преобразования разнообразия. Это понимание нуждалось во всестороннем обсуждении, а поскольку эволюционный семинар бездействовал, но формально закрыт не был, Мейен возглавил новый семинар МОИП — «Исследование форм органического разнообразия», работавший в 1978—1982 г. Первый доклад 16.10.1978 (его, как и большинство остальных, делал я) собрал 55 слушателей, затем сложилось ядро в 8—12 человек.

Хотя на первом заседании один старенький биолог и обвинил нас (за критику тогдашнего дарвинизма) в мракобесии хуже средневекового, однако позже обстановка сложилась настолько домашняя (ее, как выяснилось, неприметно обеспечивал зоолог К.М.Эфрон, фактический ученый секретарь МОИП), что мы не сознавали всей крамольности наших занятий, пока не попытались опубликовать их результаты. В

1) Сергей Викторович Мейен (1935—1987), геолог, палеоботаник и натурфилософ, вице-президент Международной организации палеоботаники (с 1978 г.), член Президиума Совета МОИП (с 1983 г.). Высказывал свои взгляды на заседаниях разных секций МОИП и публиковал их в разных изданиях МОИП. В теории эволюции ему принадлежат как минимум три важных положения: указание пути синтеза дарвинизма и номогенеза, первое в мировой литературе флорогенетическое древо (легшее в основу его концепции *глобального флорогенеза*) и гипотеза происхождения цветковых растений от беннетитов (путем гамогетеротопии). Список его трудов см. [8].

редсовете МОИП, и не только там, печатать нас отказались. По сути, это пошло нам на пользу: учение о разнообразии (диатропика) было опубликовано позже в более зрелом виде [25]. Но, увы, после безвременной кончины Мейена, основавшего само это направление мысли.

Для истории МОИП важно отметить, что по нашим стопам пробовали идти еще два коллектива и — безуспешно. В 1981 г. начал работу семинар по теории и методологии классификаций. «В октябре 1982 г. направление этого семинара (руководитель В.Л.Грейсух) было самовольно трансформировано в философские основания классификации... Решением Президиума Совета МОИП от 17 мая 1983 г. такой семинар был закрыт в связи с постановкой докладов чисто философской тематики» [11, с.35].

Напомню, что с 1980 г., с началом афганской войны и польских волнений, резко усилилась подозрительность властей. А в МОИП обстановка ухудшилась еще и с уходом Эфрона (ввиду низкой зарплаты) в сентябре 1979 г. При этом распался и наш семинар. В октябре 1984 г. эколог А.П.Левич совершил еще одну попытку в том же духе — основал семинар по проблеме времени в биологии. Президиум Совета МОИП ликвидировал этот семинар в июне 1985 г., прямо на сей раз указав причину: «Содержание докладов в ряде случаев не соответствует необходимому идейно-теоретическому уровню». Правда, Мейен, пытаясь спасти семинар Левича, добился не закрытия семинара, а лишь цензуры: «Обязать А.П.Левича представлять все доклады в Президиум за месяц для предварительного просмотра. Просмотр поручить С.В.Мейену» [12, с.39]. Играть столь неблагодарную роль Мейену не пришлось: желающих работать в этих рамках не нашлось.

Идеи эволюции в МОИП затихли, но не навсегда. Вот две самые новые публикации. Зоолог Л.М.Баскин (как бы вторя Усову) показывает ничтожное значение конкуренции в выживании медведей, а также — механизм саморегуляции их численности, практически не оставляющий места для мальтузианской схемы эволюции [2]. А доклад В.Н.Шолпо фактически увязывает эволюцию «по Вернадскому» с таковой «по Мейену» и «по Гумилеву» [27]. В МОИП все-таки перестают трактовать эволюцию в архаических рамках.

Злоключения библиотеки

Пусть читатель не думает, прочтя п.2, что я сам сумел отыскать все упомянутое. Нет, некоторых статей мне ни за что не найти бы, если бы они не были когда-то заботливо расписаны в каталогах Библиотеки МОИП. Многого вы нигде больше не найдете, и существуют специалисты, которые без Библиотеки МОИП вообще не смогли бы состояться.

Чудеса здесь поджидают повсюду, и сотрудники любят показывать их новым читателям. Как-то недавно Н.В.Демьяненко, директор Библиотеки, попросила меня достать из шкафа пару особо тяжелых книг [29] формата гросс-фолио (т.е. крупнее фолианта), чтобы показать впервые пришедшим. Я, разумеется, ожидал их изумления, но неожиданно сам застыл, речи лишившись: со страницы на меня глянул живой фазан.

Мало того, что он был в натуральную величину и стоял естественно, мало того, что оперение его переливалось всеми естественными красками, но еще и каждое перо его казалось настоящим. Смотревшая на это чудо девушка наивно протянула пальчик — пощупать настоящее фазанье перо; трогать ей не дали, и нам всем осталось только склониться к листу и убедиться, что перья все-таки нарисованы.

Как это сохранилось век с четвертью? Вряд ли вы найдете такое в изумительных и куда более обширных сокровищах Библиотеки МГУ (в том же здании): ведь там книги гросс-фолио стоят, за неимением столь крупных шкафов, в проходах и веками собирают пыль. (Пылесосов тут нет — розетки запрещены пожарным надзором.) Вряд ли ушелело нечто подобное и в «Ленинке», где дежурные, принимая столь ценную литературу у читателей, для скорости перелистывают дивные листы ластиком, нимало не смущаясь тем, что рисунки ломаются. И уж вовсе нелепо там, чтобы кто-то сам захотел все это показывать читателям.

Библиотеке МОИП нет и двухсот лет, но книги есть в ней очень старые. Есть рукопись (с цветными картинками) XIV века, а среди печатных книг самая старая, какая мне попадалась, датирована 1560 годом [29]. На ней красуется автограф Фишера — значит, ее в библиотеку подарил он. К сожалению, никто не знает, когда это произошло: основатель Общества дарил ему книги с 1805 г., но первый инвентарь составлен только в 1842 г. В первых номерах изданий МОИП перечислено много поступавших тогда книг, и некоторые из них поныне стоят на полках (в том числе, первая здесь книга на русском языке [13] — она подарена переводчиком Обществу), но невозможно сказать, те ли это экземпляры, или они приобретены позже, взамен сгоревших в 1812 г.¹⁾ Первый руководитель Библиотеки МОИП известен с 1829 г., зато далее их список непрерывен (см. Приложение).

Первый подсчет объема Библиотеки сделан в 1837 г.: 6354 книги на 12 языках и 27 названий периодики (580 томов на 6 языках).

1) Статья была уже в производстве, когда зоолог и историк науки В.С.Шишкин посоветовал мне поискать эти книги в фундаментальной библиотеке МГУ. Дареные в МОИП экземпляры должны иметь дарственные надписи.

Первый инвентарь книг (1842) перечислял уже 8763 тома [7, ч.IV, с.IV]. Как видим, Библиотека росла быстро. Ныне в ней 522 тыс. единиц хранения.

Как ни замечательны старые книги, главную ценность Библиотеки МОИП составляют комплекты журналов и трудов ученых обществ, ибо многих из них нигде в России больше нет. (Перечень некоторых см. [14]). Ныне они составляют около половины основного фонда. Здесь же находится фонд прежнего Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Разумеется, вся эта литература незаменима для историков науки, но отнюдь не только для них: множество биологов, географов, геологов, экологов, этнографов и экономистов не могут всерьез работать без сопоставления нынешних данных с прежними, а старые данные черпаются в основном в нескольких библиотеках типа МОИП. Даже те данные, что есть в библиотеках-гигантах, черпать оттуда в больших объемах невозможно ввиду ничтожной скорости оборота заказов. Достаточно сказать, что сбор сведений для данной статьи, сравнительно небольшой, занял у меня 3 недели работы в Библиотеке МОИП (архив МОИП расположен в ней же) при свободном поиске на доступных читателям полках, при доставке за 5—15 минут заказов из остальной части фонда. Если бы, как в «Ленинке», я ждал по два часа книгу, из которой мне нужно лишь выписать название другой книги и снова ждать, работа потребовала бы нескольких лет, т.е., попросту говоря, не была бы осуществлена.

До нынешних «радикальных реформ» в Библиотеку МОИП поступало также много новой литературы, в основном — по традиционной биологии и геологии. Сейчас поступают лишь журналы по международному обмену и немного книг-подарков.

Чудесное хранилище гибнет. В сущности, жизнь его никогда не была легкой (такие клады вообще легким трудом не создашь, не приведешь в порядок и неохранишь). За сто лет жизни МОИП в западном крыле старого здания МГУ (над Круглым залом) теснота дошла до того, что многих книг нельзя было найти. В 1933 г. МОИП получило новое помещение, где его Библиотека пребывает по сей день — 600 кв. м в здании Фундаментальной библиотеки МГУ, против Манежа. Здание рассчитано на 500 тыс. томов, а ныне содержит вдесятеро больше, ему грозит проседание и сползание по склону на Моховую. Библиотека МОИП занимает всего 8% площади дома, однако в 1970-е гг. в Библиотеке МГУ родилась странная мысль уменьшить за счет нее катастрофическую нехватку места.

Сперва пытались «объединить» библиотеки, но атаку отбил протест академиков-членов МОИП. Затем возник слух, что Библиотека МОИП находится в здании незаконно, но у нее нашлось постановление Наркомпроса РСФСР от 23.04.1933 г. о передаче ей всего 6-го яруса хранения (ныне она располагает половиной яруса), и слух тут же стих. Тогда появилась идея, что фонд МОИП никем не читается, поэтому его можно «почистить». А что это значит, в МГУ не раз показывали, списывая в макулатуру весьма ценные издания. Угроза Библиотеке МОИП стала вполне реальной, когда весной 1985 г. пожарный надзор закрыл обе библиотеки.

МГУ ответил «неплановым» списанием 200 тыс. книг из Фундаментальной (прежде чем возник скандал, 40 тыс. успели уничтожить), а в Библиотеке МОИП само слово «списание» ни тогда, ни в иное время не звучало.

Узнав об этом событии, я взял в «Комсомольской Правде» поручение и с ним отправился в Библиотеку МГУ. Там уже въедливо работал корреспондент «Литературной газеты» И.А.Харичев, и вместе мы скоро убедились в полном безразличии ректората к судьбе даже собственной Фундаментальной библиотеки, не говоря уж о МОИП. Зато сама Фундаментальная оказалась отнюдь не равнодушной. Вот фрагмент беседы:

— У МОИП так много места, — осторожно сказала нам директор Библиотеки МГУ. Члены дирекции ее поддержали.

— Помилуйте! — не выдержал я (статус корреспондента требует отстраненности). — Там перегрузка больше вашей. Да и куда ей деться?

Об этом ни здесь, ни вообще в МГУ, никто не думал, зато все говорили о желательном ее выезде, ссылаясь, конечно, на пожарных. Мы пытались внушить (работникам книги!), что уникальный фонд МОИП тоже нужен.

— А кому? — спросила директор, как бы козырь выкладывая.

Нам тут же разъяснили: читателей в МОИП нет, читаемость фондов в 20 раз ниже, чем в МГУ, и чем занят там персонал, неизвестно. Университет не склад, а учебное учреждение. Если книги МОИП убрать, то пожарные успокоятся, учебный процесс возобновится.

Пришлось вникнуть в статистику, и вот что выяснилось. Высокая читаемость в МГУ (0,75) целиком определяется фондами учебных пособий, а если взять число выдач в год из основного фонда, да разделить на величину этого фонда, то получится читаемость такая: 0,061 в Фундаментальной и 0,055 в МОИП. Но у первой около половины выдач приходится на художественную литературу, каковой

в МОИП нету, а, значит, читаемость научной литературы в МОИП примерно вдвое выше, чем в МГУ. Что же касается нагрузки на каждого из четырех библиотекарей МОИП, то она по разным позициям в 3—15 раз выше, чем на каждого из 150 сотрудников Фундаментальной. Притом категория Библиотеки МГУ не так давно повышена с первой до высшей, а Библиотеки МОИП понижена с третьей до четвертой (т.е. зарплата понижена до грошовой). И все из-за «низкой читаемости»!

Осенью пожарные сняли запрет, «Справка» с моими подсчетами и выводами о вине руководства МГУ исчезла в инстанциях, наши статьи появились нескоро и в других газетах [23; 24], смена руководства (проректора и директора Библиотеки МГУ) на ход дел не повлияла. Поручение Совмина СССР (7.01.86) о строительстве нового здания Библиотеки МГУ, подкрепленное подробным приказом Минвуза (5.05.86), ректорат как бы и не заметил, а новый директор Библиотеки ограничился разговором о сложности вопроса. Причина отказа от этого щедрого подарка мне неизвестна (сотрудники Библиотеки МГУ говорили нам шепотом, что дело просто: никто из руководства МГУ в Библиотеку даже не записан). В октябре В.П.Бондаренко, директор Гипровуза, с горечью сказал нам: «С незаинтересованным заказчиком дело иметь невозможно». Средства пропали, а в пору «перестройки» интерес к библиотекам упал. Харичев в 1992 г. занял важный пост в аппарате Президента РФ и о библиотеках, так прежде его волновавших, тоже, видимо, забыл.

Казалось бы, полный провал; но знающие люди объяснили мне, что успех был, и важный: речи о ненужности Библиотеки МОИП прекратились.

Она героически продолжает обслуживать читателей, но жива лишь энтузиазмом директора. Впервые в 1996 г. не выписан ни один журнал, нет денег. Университет обеспечивает зарплату и коммунальные услуги, большего от него сейчас и желать нельзя. МОИП само еле живо (из 8 сотрудников осталось трое) и помогает Библиотеке (которая официально является отдельным учреждением) лишь тем, что издает Бюллетень — последний объект ее обмена. Прежде власть (как царская, так и советская), в общем-то, считала долгом содержать ученые общества, помогали им и богатые люди, и общественные организации; но «сейчас нахлебниками быть не модно, да и не пристало» — такими словами отказал мне в просьбе о помощи Библиотеке МОИП ее знаток, один из активистов нынешнего «Дворянского собрания», оставшийся глухим к напоминанию, что Библиотеку создали дворяне и сохраняли при советской власти в основном они же.

Из бизнесменов пока откликнулся один: в 1994 г. А.В.Бобров, директор фирмы KERT и математик-любитель, оплачивал почтовые счета Библиотеки и немного добавлял к зарплате сотрудникам; но он разорился. Редкой и скудной помощи нескольких читателей решительно не хватает. Остальные предпочли ездить по вдруг открывшимся заграницам, не всегда понимая, что никто не позвал бы их туда, если бы не эрудиция, поневоле нажитая ими в библиотеках типа МОИП в эпоху «железного занавеса».

Весной 1996 г. мне после многолетнего перерыва дважды звонили из МОИП — звали на заседания. Осенью Нина Владимировна с гордостью сообщила, что сумела-таки отправить обмен за 1995 год. Хочется думать, что Общество и его Библиотека выживут. Если не будут нами забыты.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(по [7, ч.1, с.49—51], с добавлениями и исправлениями)

а) президенты МОИП

- 1806—1817, меценат и гос. деятель Алексей Кириллович Разумовский
- 1817—1825, гос. деятель Андрей Петрович Оболенский
- 1825—1830, генерал Александр Александрович Писарев
- 1830—1835, военный теоретик и гос. деятель Дмитрий Владимирович Голицын (руководил восстановлением Москвы после пожара 1812 г.)
- 1835—1847, историк искусств и гос. деятель Сергей Григорьевич Строганов (основатель известного художественного училища)
- 1847—1849, историк и гос. деятель Дмитрий Павлович Голохвастов
- 1850—1855, гос. деятель Владимир Павлович Назимов (один из инициаторов отмены крепостного права)
- 1856—1859, гос. деятель и краевед Евграф Петрович Ковалевский
- 1859—1863, гос. деятель Николай Васильевич Исаков (один из организаторов Библиотеки Румянцевского музея — будущей «Ленинки»)
- 1863—1867, гос. деятель Дмитрий Сергеевич Левшин
- 1867—1872, гос. деятель Александр Прохорович Ширинский-Шихматов

- 1872—1884, зоолог Александр Григорьевич Фишер (сын основателя)
- 1884—1886, врач и организатор Карл Иванович Ренар (редактор, основной работник Совета, библиотекарь и с 1872 г. — вице-президент)
- 1886—1890, астроном Федор Александрович Бредихин, академик
- 1890—1897, математик Федор Алексеевич Слудский
- 1897—1915, физик Николай Алексеевич Умов
- 1915—1935, зоолог Михаил Александрович Мензбир, академик
- 1935—1953, химик Николай Дмитриевич Зелинский, академик
- 1955—1967, ботаник Владимир Николаевич Сукачев, академик
- С 1968, геолог Александр Леонидович Яншин, академик

б) руководители Библиотеки МОИП

- 1829—1836, Карл Францевич Пробст;
- 1836—1840, Иван Осипович Шиховский;
- 1840—1841, Александр Вильгельмович Рихтер;
- 1841—1850, Карл Иванович Ренар;
- 1850—1861, Иван Степанович Бер;
- 1861—1868, Иван Богданович Ауэрбах;
- 1866—1869, Александр Александрович Фишер;
- 1869—1870, Алексей Николаевич Петунников;
- 1872—1879, Александр Алексеевич Крылов;
- 1879—1882, Александр Федорович Шнейдер;
- 1882—1883, Яков Андреевич Борзенков;
- 1884—1884, Константин Павлович Перепелкин;
- 1885—1888, Валериан Александрович Киприянов;
- 1888—1909, Александр Иванович Кронеберг;
- 1909—1912, Михаил Михайлович Новиков;
- 1912—1930, Алексей Иосифович Бачинский;
- 1930—1931, Адам Владиславович Раковский;
- 1931—1932, Лев Иванович Курсанов;
- 1932—1954, Вячеслав Аверкиевич Дейнега;
- 1954—1958, Илья Давидович Страшун;
- 1958—1975, Зоя Николаевна Люлинецкая;
- 1975—1978, Антонина Владимировна Комаровская;
- С 1978, Нина Владимировна Демьяненко

Список литературы

- 1 Архив МОИП, ф.1830, д.131.
- 2 *Баскин Л.М.* Бурый медведь в России: есть ли у него будущее? // Бюлл. МОИП, отд. биол., 1996, №2.
- 3 *Бялович Ю.П.* К вопросу внутривидовых и межвидовых взаимоотношений. // Бюлл. МОИП, отд. биол., 1953, №2.
- 4 *Варсанюфьева В.А.* Алексей Петрович Павлов. М., 1947.
- 5 *Варсанюфьева В.А.* Московское общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М., 1955.
- 6 *Липищи С.Ю.* Московское общество испытателей природы за 135 лет его существования (1805—1840). Исторический очерк. М., 1940.
- 7 *Люлинецкая З.Н., Страшун И.Д.* Материалы к истории Московского общества испытателей природы, 1805—1917. Машинопись. Библиотека МОИП, 4 тт., 1958.
- 8 *Мейен С.В.* Введение в теорию стратиграфии. М., 1989.
- 9 *Мензбир М.А.* Мнимый кризис дарвинизма // Русская мысль, 1902, №11.
- 10 *Мирзоян Э.Н.* Московское общество испытателей природы. М., 1996.
- 11 Отчет о работе МОИП за 1981—1983 гг. М., 1984.
- 12 Отчет о работе МОИП за 1984—1986 гг. М., 1988.
- 13 *Писсис Г.* Наука сохранять свое здоровье или руководство к гигиене. Переведено [с франц.] Ф.Политковским. М., 1806.
- 14 *Работнов Т.А., Тихомиров В.Н.* Советская биологическая наука на страницах «Бюллетеня МОИП, Отдел биологический» за период с 1917 по 1977 год. // Бюлл. МОИП, отд. биол., 1977, №5.
- 15 *Райков Б.Е.* Русские биологи-эволюционисты до Дарвина М.-Л., 1951—1959. Тт. 1—4
- 15а Речи, произнесенные в соединенных заседаниях Общества [МОИП] и XII Съезда русских естествоиспытателей и врачей. М., 1910.
- 16 *Рулье К.Ф.* Избранные биологические произведения. М., 1954.
- 17 Системность и эволюция. / Отв. ред. Ю.А.Шрейдер. М., 1984.
- 18 *Сукачев В.Н.* Новые данные по экспериментальному изучению взаимоотношения растений // Бюлл. МОИП, отд. биол., 1959, №4.
- 19 *Умов Н.А.* Эволюция живого и задача пролетариата мысли и воли. М., 1906.
- 20 *Умов Н.А.* Эволюция мировоззрения в связи с учением Дарвина. // Bulletin Soc. Imp. Nat. Moscou, 1808, Прилож. к протоколам. СПб., 1910.
- 21 *Усов С.А.* Зубр // Вестник естественных наук, 1859, №1.
- 22 Физико-медицинское общество // Бол. Медиц. энц. М., 1963, т.33.
- 23 *Харичев И.А.* SOS в тиши библиотек // Неделя, 1988, №49.
- 24 *Чайковский Ю.В.* Фундамент культуры // Правда, 1986, №192.
- 25 *Чайковский Ю.В.* Элементы эволюционной диатропики. М., 1990.
- 26 *Чайковский Ю.В.* О классиках и комментаторах // Вопросы истории естествознания и техники, 1992, №4.
- 27 *Шолло В.Н.* Экологический императив и литосфера. Автореферат доклада. // Бюлл. МОИП, отд. геол., 1996, №1.
- 28 Actes de l'assemblée publique extraordinaire de la Société pour la réception de son nouveau Président. // Bulletin Soc. Imp. Nat. Moscou, 1830, №2.
- 29 Antiquitatum variarum auctores. Lugduni [Lyon], 1560.
- 30 *Elliot D.G., Wolf J.* A monograph of the Phasaniidae... N.Y., 1872. Vol.I—III.
- 31 Mémoires de la Société des Naturalistes de l'Université Impériale de Moscou. T.1. Записки Общества Испытателей Природы, основанного при Императорском Московском Университете. Том первый. М., 1806.
- 32 *Trautschold H.* Übergänge und Zwischenvarietäten // Bulletin Soc. Imp. Nat. Moscou, 1860, vol. 33, №4.